

005008272

На правах рукописи

9

Стрелецкий Владимир Николаевич

**КУЛЬТУРНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ
В ГЕРМАНИИ И РОССИИ**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

19 ЯНВ 2012

Москва – 2012

Диссертация выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте географии РАН

Научный консультант: доктор географических наук
Артоболевский Сергей Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор географических наук,
профессор
Веденин Юрий Александрович

доктор географических наук,
профессор
Дружинин Александр Георгиевич

доктор политических наук,
профессор
Бусыгина Ирина Марковна

Ведущая организация: Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова

Защита состоится «17» февраля 2012 г. в 14 часов на заседании
Диссертационного совета Д.002.046.01 по специальности 25.00.24
«Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география»
при Институте географии РАН по адресу: 119017 Москва, Старомонетный
пер., д. 29, факс (495) 959-00-33
E-mail: igras@igras.geonet.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института географии
РАН по адресу: Москва, Старомонетный пер., д. 29

Автореферат разослан «11» января 2012 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат географических наук

Т.Л. Бородина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СТРУКТУРА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На пространственную организацию современного общества все заметнее воздействуют социокультурные факторы. Природные условия, техника, экономика, политика и т.д. продолжают служить движущими силами пространственного развития, но с переходом от аграрного и индустриального общества к постиндустриальному (сервисно-информационному) их влияние становится менее «жестким». Закономерно, что именно человек, социум, культура все более выдвигаются на передний план как объекты географических исследований. Гуманизация и гуманитаризация географической науки актуализируют задачу формирования полноценного *концептуального аппарата культурной географии* как самостоятельного научно-исследовательского направления, в т.ч. и в России.

Процессы регионализации общества имеют очевидное культурное измерение, роль которого для нашей страны с ее огромным и неоднородным в социокультурном отношении пространством трудно переоценить. Вместе с тем, формирование и развитие российского централизованного государства зачастую (особенно в XX веке и в пределах исторического ядра страны) сопровождалось «выклиниванием» местной культурной специфики, стиранием многих ярких региональных особенностей. Важность данных проблем яснее осознается в настоящее время российскими обществоведами и самим российским обществом. «Ренессанс» регионализма, рост интереса к местной специфике и традициям, возрождение (отчасти «конструирование») региональных идентичностей, «бум» в отечественном краеведении стали характерными чертами культурной жизни России с конца 1980-х гг. Однако теория и методология исследований культурного регионализма

сформировались не вполне, в связи с чем их дальнейшая научная разработка сохраняет большую актуальность.

Выбор территориального полигона исследования. Российское и германское культурные пространства, отличающиеся (хотя порой в силу очень разных причин) гетерогенностью и мозаичностью. – чрезвычайно перспективный полигон для сравнительного анализа, предоставляющий в распоряжение исследователя колоссальный фактический материал. Германия – одна из тех развитых стран, где культурный регионализм составляет одну из самых характерных черт; не случайно в западной географии именно ее часто называют «лабораторией» европейского регионализма. Россия же, с ее природно-ландшафтным и этнокультурным разнообразием, дифференциацией традиционных образов жизни, относится к числу стран с огромными региональными различиями и контрастами. И хотя некоторые культурологи, географы и другие эксперты считают, что российской культуре региональное разнообразие имманентно не очень присуще, колоссальная роль регионального «измерения» ее бытия не вызывает сомнений. Многое познается именно в сравнении; культурные различия, очевидные и значимые для одного геодивизионального, историко-культурного пространства, могут не считаться таковыми по меркам качественно иного.

Научная проблема, решаемая в диссертации, – обоснование культурно-географического подхода к изучению регионализма. Термин *«регионализм»* в современном географическом и социально-гуманитарном дискурсе используется в разных значениях. Во-первых, многие теоретики и эксперты-практики понимают под ним *подход к проблемам социума с позиций интересов и потребностей регионов*, их учет в экономике, политике, управлении, отказ от чрезмерного централизма и унификации. Во-вторых, термином «регионализм» часто обозначается *взаимодействие* между государствами (некоего макрорегиона) или их частями (например, администра-

тивно-территориальными единицами); их сотрудничество, укрепление связей между ними. В-третьих, существует интерпретация регионализма как специфической *идеологии региональных элит*, стремящихся к повышению степени самостоятельности «своих» регионов в культурной, экономической, политической и иных сферах. В-четвертых, под регионализмом понимаются *политические движения* в рамках разных региональных сообществ, направленные на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей), либо на расширение уже имеющихся прав региональных сообществ.

С конца XX в. появляются попытки классификации различных форм регионализма. Чаще всего их предпринимают политологи, не всегда имеющие опыт политико-географических исследований. Успешно используемые на ниве политических наук, они далеко не всегда применимы в географических исследованиях. С точки зрения политологии регионализм может трактоваться как своего рода идеология уважения интересов и потребностей регионов и как совокупность связанных с нею практик. Но это не единственный аспект регионализма; в географии он может пониматься значительно шире, быть более емким и богатым нюансами. По мнению соискателя *регионализм есть, прежде всего, культурно-географический феномен*, а его же выражение в тех или иных политических формах имеет вторичный характер. Разработка именно такого подхода к данному феномену составляет сердцевину решаемой автором научной проблемы.

Объект исследования – геокультурное пространство и процессы его регионализации.

Предмет исследования – регионализация культуры в Германии и России.

Цель диссертации – разработка концептуальных основ изучения культурного регионализма и апробация разработанной методологии его исследования на материалах Германии и России.

Задачи исследования:

- 1) разработка теоретико-методологической схемы и понятийно-терминологического аппарата изучения культурного регионализма;
- 2) обоснование системы индикаторов, описывающих культурный регионализм как географический феномен;
- 3) обобщение зарубежного опыта работ по регионально-культурной проблематике и привнесение его в российскую географию;
- 4) выявление сходных черт и принципиальных различий в региональной структуре и исторической динамике культурных пространств Германии и России;
- 5) обоснование и характеристика важнейших структурных элементов обоих культурных пространств, а также соотношения этнических, языково-диалектных, конфессиональных, регионально-культурных (региональная идентичность и др.) факторов их дифференциации.

Информационная база исследования:

1. Статистические данные официальных немецких и российских изданий (статистические ежегодники ФРГ и отдельных федеральных земель, Российской Федерации, а также официальные данные Всесоюзных переписей населения 1926, 1959 и 1989 гг., Всероссийской переписи населения 2002 г., в т.ч. по этническому составу населения, владению языками и др.).
2. Данные порталов негосударственных общественных организаций (в частности, базы данных Евангелической церкви Германии и Римско-католической церкви по числу приходов и прихожан).
3. Отечественные и зарубежные литературные источники, архивные документы и материалы (в т.ч. архива научных публикаций европейских

университетов и исследовательских институтов, принимающих с 1972 г. участие в Панъевропейской исследовательской программе «Расселение – культурный ландшафт – окружающая среда в Центральной Европе»).

4. Различная картографическая продукция (в т.ч. карты немецкой и русской диалектологии XIX-XX вв., топонимические карты, карты конфессий Германии и дореволюционной России, этнографические карты хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей, исторические карты административно-территориального деления).

5. Интернет-ресурсы.

Теоретико-методологические основы исследования. Диссертация основана на *понятиях, методах и научных подходах, разработанных в рамках, прежде всего, культурной географии, смежных с нею дисциплин* – исторической, социально-экономической и политической географии, а также исторических наук, социальной и культурной антропологии, этнологии. В диссертации используются труды *«классиков» антропогеографии*, в т.ч. выполненные на материалах Германии и России (труды Э. Реклю, П. Видаля де ла Блаша, Ф. Ратцеля, А. Геттнера, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, В.И. Ламанского, Л.Д. Синицкого, А.А. Крубера), хотя их теоретико-методологические подходы не всегда приемлемы с позиций сегодняшнего дня.

Автор опирается как на фундаментальные труды *ряда западных культур-географов и историко-географов* (К. Зауэра, В. Зелински, П. Клаваля, Т. Джордана, Б. Верлена, Х. Егера, К. Фена, Г. Харда, Й. Поля), так и на весомые научные заделы, созданные в 1990-2000-е годы в *отечественной культурной географии*. Это работы (А.Г. Дружинина, Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского, А.Г. Манакова, М.В. Рагулиной, Т.И. Герасименко и др.), нацеленные на обоснование предмета и методологии культурной географии, ее отдельных исследовательских направлений; достижения в области

концепции культурного ландшафта (работы Ю.А. Веденина и его последователей, В.Н. Калуцкова, А.А. Соколовой, Г.А. Исаченко, В.Л. Каганского и др.) и региональной идентичности (работы М.П. Крылова, Л.В. Смирнягина, А.А. Ткаченко, Н.М. Межевича и др.). Учтены методологические подходы к изучению географических образов (работы Центра гуманитарных исследований пространства РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, в т.ч. публикации Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, И.И. Митина и др.). Образы пространства, представления людей о «малой родине», «своих» и «чужих» территориях и ландшафтах, среде своего обитания – важная составляющая феномена культурного регионализма в понимании автора.

Основополагающее значение для формирования *авторской концепции культурного регионализма* имели труды В.П. Семёнова-Тян-Шанского, Б.Н. Книповича, Б.Б. Родомана, Е.Е. Лейзеровича, Л.В. Смирнягина по *методологии и практике районирования*, работы по *теории регионализации и регионального развития* (У. Изарда, Д. Уиттлси, А.И. Трейвиша, Ю.Н. Гладкого, А.И. Чистобаева, А.Г. Дружинина, С.С. Артоболевского, И.М. Бусыгиной и др. авторов); частично использованы также современные теоретические разработки понятия «регионализм» в смежных с географией общественных дисциплинах, прежде всего в политологии и региональной социологии (труды М. Китинга, П. Шмитт-Эгнера, Б. Хеттне, Т. Хеглипа, И.Н. Барыгина, Г.О. Ярового и др.). Автор испытал влияние идей и подходов В.А. Шулера, на руководимых которым «Сократических чтениях», с участием многих географов-теоретиков, методологов науки и философов, неоднократно обсуждались разные разделы данного диссертационного исследования.

Структура взаимодействий и пространственно-временные отношения между социокультурными системами на разных иерархических уровнях рассматриваются в диссертации в свете трудов О.Шпенглера и

А. Тойнби, М. Вебера и В. Зомбарта, Л. Февра и Ф.Броделя, а также ученых отечественной географической школы: Р.М.Кабо, В.В. Покшишевского, В.А. Пуляркина, А.Д. Арманда, А.Ю.Ретеюма, Д.В. Николаенко. Междисциплинарный характер исследования обеспечило также использование в диссертации результатов отечественных и зарубежных разработок в области социально-культурной антропологии и культурологии, этнологии, этнографии и этноэкологии, социологии, исторической демографии, диалектологии, топонимики.

Широко привлекались результаты конкретных исследований, посвященных вопросам *регионализации и районирования германского и российского пространств* (не только с культурно-географических позиций). В их числе – работы И.М. Бусыгиной, Ю.А. Веденина, О.В. Витковского, А. Геттнера, Ю.Н. Гладкого, Р. Градмана, О.В. Грицай, Р. Дикинсона, Б.Н. Зимина, В.Л. Каганского, В.А. Колосова, М.П. Крылова, Е.Е. Лейзеровича, С.Б. Лаврова, А.Г. Манакова, Э. Мейнена, С.В. Одессер, Э. Отрембы, С.Н. Раковского, К. Рупперта, С.Г. Сафронова, Л.В. Смирнягина, А.И. Трейвища, Р.Ф. Туровского, К. Хоттеса, В.Л. Цымбургского, И.Г. Яковенко.

Учитывались работы отечественных и зарубежных ученых по *истории (в т.ч. региональной) и исторической географии России и Германии*: А.С. Ахиезера, М. Бассина, Я.Е. Водарского, Й. Гайса, М.Дёберля, Ф. Дёллингера, В.С. Жекулина, В.М. Кабузана, А. Каппелера, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, В.Е. Майера, Г. Манна, Л.В. Милова, П.Н. Милюкова, В. Радига, В. Рёпке, П.Н. Савицкого, В.В. Стоклицкой-Терешкович, Х.-Д. Шульца, А.П. Щапова, А.Л. Ястребицкой, В.К. Яцунского и др.

В работе применялись историко-географический, сравнительно-географический, системно-структурный, описательный, статистический, картографический методы.

Положения, вынесенные на защиту, сформулированы в виде важнейших выводов (тезисов защиты) и приведены в конце автореферата.

Научная новизна исследования:

1. В диссертации разработана собственная *система понятий, характеризующих культурный регионализм* как целостное геопропространственное явление, специфический социогеографический и культурно-географический феномен.

2. Предложена и апробирована на материале Германии и России совокупность *индикаторов культурного регионализма*, описывающих данный феномен.

3. Впервые проведено комплексное географическое *сравнение процессов регионализации культурных пространств* Германии и России.

4. Выявлены важнейшие *структурные элементы германского и российского культурных пространств*.

5. Принципиальные различия в значимости отдельных структурных индикаторов как *параметров дифференциации интегрального культурного пространства двух стран* (конфигурации этнических, языково-диалектных, конфессиональных, регионально-культурных различий) составляют оригинальный результат выполненного исследования.

Практическая значимость работы определяется, во-первых, тем, что исследование предлагает общую модель, описывающую взаимодействие культуры и географического пространства, а также формирует теоретико-методологический аппарат изучения феномена культурного регионализма. Во-вторых, учет зарубежного опыта культурного регионализма важен для возрождения регионального самосознания в нашей стране. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании административно-территориального устройства страны, проведении муниципальной реформы, формировании «культурного» сегмента региональной политики

Российской Федерации. Материалы диссертации могут найти применение в преподавании университетских учебных курсов по исторической и культурной географии, этногеографии и географии религий, а также по региональным проблемам России и Германии.

Публикации, апробация и внедрение работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования апробировались на следующих международных научных конференциях: «Globality versus Locality» (Польша, Радзеёвицы, 1989), «Local Development in Europe: Experiences and Prospects» (Польша, Варшава-Ядвигин, 1990), «Проблемы старопромышленных районов: экономика, экология, политика» (Донецк, 1991), «Межнациональные отношения в России и странах ближнего зарубежья» (Краснодар – Анапа, 1992), «Проблемы этно- и геополитики Восточной Европы» (Германия, Кёльн, 1997), «Природные и человеческие ресурсы для устойчивого развития» (Индия, Дели, 1998), «Регионы и регионализм в странах Запада и России» (Москва, 1999), Всемирная конференция по науке (World Conference on Science, Венгрия, Будапешт, 1999), «Историческая география, геоэкология и природопользование: новые направления и методы исследования» (Санкт-Петербург, 2002), «Европа регионов. Регионализм как путь к демократии, развитию и международной стабильности – на примере Российской Федерации» (Санкт-Петербург, 2003), «Федерализм и этническое многообразие в Российской Федерации» (Москва, 2008), XXVI сессия экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества (Вологда, 2009), «Человек – город – природная среда: новые процессы, проблемы и исследовательские методы» (Польша, Торунь, 2009), «Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире» (Санкт-Петербург, 2010), «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития» (Ростов-на-Дону, 2010), «Natural Resource Development, Population and Environment in Russia: Their

Present and Future in Relation to Japan» (Подмосковье, 2010), «Глобальные и региональные проблемы исторической географии» (Санкт-Петербург, 2011), «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика» (Смоленск, 2011).

Кроме того результаты диссертационного исследования докладывались на многих всероссийских научных конференциях, в т.ч. на Третьем Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 1999), Втором Всероссийском Конгрессе политологов (Москва, 2000), Первом Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2006), на конференциях «Научное наследие Петра Петровича Семёнова–Тян-Шанского и его роль в развитии современной науки» (Липецк, 2007), «Стратегии России в историческом и мировом пространстве» (Москва, 2009), «Культурные ландшафты России и устойчивое развитие» (Москва, 2009), на Научной конференции XIV Съезда Русского географического общества (2010) и др. Некоторые аспекты работы обсуждались на Вторых (Плёт, 2001), Пятых (Великий Устюг, 2004), Седьмых (Вологда, 2006) и Девятых (Самарская Лука, 2010) Сократических чтениях, заседаниях Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского Центра Русского географического общества, а также Ученого совета Института географии РАН (2009).

По теме диссертации опубликовано более 70 печатных работ объемом 67 авторских листов, в т.ч. 10 статей в рецензируемых отечественных журналах из перечня ВАК РФ, а также 10 работ на иностранных языках. Список основных публикаций автора по теме диссертации приведен в конце автореферата.

Важным каналом внедрения в практику была, начиная с 2005 г. подготовка справочных материалов и написание статей для Большой Российской энциклопедии. Соискателем написаны разделы «Население» и «Хозяйство» в коллективной статье «Германия» (т. 6), статьи по отдельным городам

Германии (т. 1–18), статьи «Историческая география» (т. 12), «Культурная география» и (в соавторстве) «Культурный ландшафт» (т. 16), библиографические статьи, посвященные крупным географам («Зауэр», «Крубер», «Лёш» и др.). Материалы исследования использованы при подготовке автором учебных курсов «География культуры», «Страноведение (Германия)», «География Германии» в Российском университете дружбы народов (РУДН) и в Российско-германском учебно-научном центре Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Сонскатель является автором разделов «Цивилизационные регионы мира», «Физико-географическая и экономико-географическая характеристика Германии» в электронном учебнике Интернет-школы «Просвещение» «Профильная география. 11 класс» / Под ред. В.Н. Холиной» (2008).

Структура работы

Работа изложена на 306 страницах и состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы (736 источников на русском, немецком, английском и французском языках), картографических, статистических, табличных и прочих приложений.

Первая глава посвящена обоснованию культурно-географического подхода к изучению регионализма. Рассматриваются современные представления о предмете, методах и структуре культурной географии, ее историография за рубежом и в России, а также ее место в ряду наук, изучающих регионализм. В четвертом параграфе первой главы дается авторская трактовка мировоззренческих установок, научных традиций и исследовательских парадигм в культурной географии, их значения для исследования культурного регионализма.

Во второй главе понятие регионализм описывается как культурно-географический феномен. Формулируются теоретико-методологические

основания культурно-географической регионалистики, выделяются ее ключевые проблемы и направления исследований.

Третья и четвертая главы посвящены опыту изучения культурного регионализма в Германии. В третьей главе анализируются исторические корни немецкого регионализма, обобщается значение регионального фактора в национальном самосознании немцев. В четвертой главе рассматривается современная структура германского культурного пространства, выявляются закономерности его геокультурной дифференциации, важнейшие градиенты и «оси» культурно-географических различий.

Пятая и шестая главы посвящены опыту изучения культурного регионализма в России. В пятой главе выделяются историко-географические особенности и этапы формирования и эволюции российского культурного пространства. В шестой, завершающей главе выявляются и сопоставляются базовые этнокультурные, лингво-диалектные, конфессиональные и регионально-культурные различия в России в конце XX – начале XXI вв.

В Заключении сформулированы основные выводы (тезисы защиты).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Культура как географическая реальность. Культурная география в ряду наук, изучающих регионализм

Культура как географическая реальность рассматривается нами с двух разных точек зрения. Во-первых, это *культура в географическом пространстве* (пространственная дифференциация артефактов и ментифактов, их выраженность в ландшафте, связь с географической средой, пространственная самоорганизация культурных комплексов). Во-вторых, это *географическое пространство в культуре* (представления о геопространстве в разных культурных контекстах, образы различных местностей

и территорий, отношение местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры).

В концептуализации ключевого для теории и методологии культурной географии *вопроса о значении земного пространства для человека и культуры* можно выделить *четыре основные мировоззренческие парадигмы*:

1) *метафизическую*, априори признающую некие научно не верифицируемые (сверхопытные) принципы и положения;

2) *сциентистскую*, основанную на объективистской и рациональной, ценностно-нейтральной методологии изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами географического пространства и культурными феноменами;

3) *феноменологическую*, покрывающую «смысловое поле» культурно-географических взаимодействий;

4) *перцепционную*, сфокусированную на восприятии географической реальности в разных культурах и культурных контекстах.

В мировой культурной географии доминируют две мировоззренчески полярные парадигмы – сциентистская и феноменологическая. Метафизическая парадигма, оказавшая в прошлом, еще до институционализации культурной географии как отдельной науки, глубокое воздействие на формирование проблемного поля последней (К. Риттер, А. Гюйо и др.), в настоящее время утратила свое значение и представлена единичными работами. Перцепционная парадигма проявила себя как самодостаточная в географии 1960-1970-х гг., но воплощалась тогда большей частью в бихевиористских схемах («стимул – реакция», «вызов – ответ»). Современной основой перцепционного подхода выступает гештальт-психология, близкая феноменологии по своим мировоззренческим истокам.

Культурная регионалистика – «ветвь» культурной географии, занимающаяся комплексным исследованием культурных регионов и феномена культурного регионализма. Наряду с научными направлениями, изучающими процессы пространственной дифференциации культуры на глобальном уровне (культурной географией мира) и на уровне отдельных стран (культурно-географическим страноведением), культурная регионалистика является одной из трех важнейших «синтетических» (интегральных) субдисциплин культурной географии. Это комплексная дисциплина, исследующая на региональном уровне огромное разнообразие культурных явлений – от региональных традиций природопользования, способов ведения хозяйства и особенностей расселения и поселений до регионального самосознания, образов, мифов и т.п.

Регионализм как феномен культуры

Культурный регионализм есть прежде всего *своеобразие, самобытность региональных сообществ людей, неразрывно связанное с региональным разнообразием культурных ландшафтов*. В регионализме как феномене культуры можно выделить два пласта. *Первый пласт* – это комбинация культурных характеристик (особенно артефактов и социофактов), которые придают той или иной территории, ее культурному ландшафту черты своеобразия, а то и уникальности, по сравнению с другими. *Второй пласт* – рефлексивный, относящийся исключительно к сфере общественного сознания и выражающийся в перцепции пространства, в представлениях людей о своеобразии и самобытности тех или иных местностей и территорий, а в первую очередь – о своей собственной идентичности.

Таким образом, культурный регионализм – *двудельный феномен*, который включает две важнейшие составляющие: объективную основу и субъективный, перцепционный «слой». Эти пласты (границы) тесно взаимо-

связаны, но они – разные, и их в мировоззренческом и методологическом отношении важно разграничивать. Культурная самобытность территории, в пределах которой сложилось местное сообщество людей с особыми интересами, системами ценностей и типом ментальности, может в разной степени осознаваться самими представителями данной общности. Феномен культурного регионализма прослеживается на разных уровнях пространственной иерархии – от локального до национального.

Регионализм как феномен культуры может быть описан большой *совокупностью индикаторов*; к числу важнейших из них в концептуальной схеме сонскателя относятся:

1. Региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией.

2. Этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность либо гетерогенность регионального (местного) сообщества.

3. Характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура.

4. Специфические для региональной (местной) культуры особенности хозяйства и природопользования.

5. Местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы).

6. Конфессиональная структура данного сообщества.

7. Региональные особенности сферы ментифактов (духовных традиций, образов, представлений и др. продуктов умственной деятельности людей), характерные для данной социокультурной общности.

8. Региональные особенности материальной культуры, понимаемой, в данном случае, как упорядоченная система артефактов, т.е. материальных предметов, созданных самими людьми.

9. Характерные для регионального (местного) сообщества специфические паттерны и стереотипы усвоенного человеческого поведения.

Этот ряд можно продолжить, но выделенные параметры в качестве *индикаторов культурного регионализма* имеют первостепенное значение. Они описывают данный феномен в разных аспектах, но именно в своей комбинации, в комплексе способны дать о нем более или менее целостное представление.

Региональное самосознание как ключевой индикатор культурного регионализма

Стержневое понятие в интерпретации регионализма как феномена культуры – *региональное самосознание* людей. Значение территориальных связей в социуме, общности местожительства как фактора формирования особого самосознания довольно давно оказалось в фокусе внимания теоретической социологии (еще на сравнительно ранней ступени развития этой науки), в то время как географы долгое время обращали на эти сюжеты недостаточное внимание. Однако во второй половине XX в. произошел решительный поворот в сторону изучения проблем региональной идентичности (*regional identity*) в западной географии человека; в отечественной общественной географии интерес к данной проблематике значительно вырос за последние два десятилетия, и в этой области появились не очень многочисленные, но глубокие и содержательные исследования (М.П. Крылова, Л.В. Смирнягина, А.Г. Манакова, Н.М. Межевича, С.Г. Павлюка, А.А. Гриценко и др.).

Региональная идентичность как самоотождествление определенных общностей людей с соответствующими территориями является, как правило, следствием укорененности культуры, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к своей «малой родине»,

стремления так или иначе ее «обустроить». Очень часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову.

Понятие «район» в культурной географии

Трактовка понятия «район» в культурной географии (и в ее прародительнице - антропогеографии) имеет две разные традиции. В первом случае «районируется» *территория*, во втором – *культура*. Первый подход восходит к идеям основоположников хронологической концепции о «заполнении» географического пространства, второй – к представлениям о пространственном бытии самой культуры. Районирование территории представляет собой давнюю традицию, ярко воплощенную еще в идеях А. Геттнера; дальнейшее развитие она получила в трудах его последователей – Р. Градмана и Г. Лаутензака в Германии, Н. Феннемана, Р. Хартшорна в США, С. де Геера в Швеции, П. Мишотта в Бельгии и др. Последовательный хронологизм (в «изначальном», кантовском понимании) проявлялся в том, что авторы стремились максимально абстрагироваться от материального «субстрата» изучаемых ими процессов.

В противовес идеям о пространствах, «вмещающих» культуру, широкое распространение в культурной географии получила и противоположная точка зрения, согласно которой объектом культурного районирования выступает не территория, «заполненная» неким материальным и ментальным субстратом, но сама культура. Важный толчок этим идеям дали работы

представителей французской школы географии человека, прежде всего, Ж. Брюна и П. Видаля де ла Блаша, еще в первые десятилетия XX в., хотя «культурная география» ими никогда не выделялась как самостоятельная ветвь географической науки. Регионализм как специфический исследовательский акцент был ярчайшей чертой французской школы географии человека, причем культурные феномены рассматривались ее представителями в неразрывном единстве природных и социальных явлений, формировавших индивидуальный «портрет» того или иного района. Когда позднее, после работ К. Зауэра, культурная география стала формироваться как самостоятельное научное направление, идеи французских географов-регионалистов о связи культуры и ландшафта, критика ими хронологических построений и многое другое было переосмыслено и получило дальнейшее развитие. Хронологическую установку «районировать территорию» стала вытеснять установка «районировать культуру» (труды Д. Мейнига, В. Зелински и др.). Культурные районы – это прежде всего территориальные общности людей, подчеркивают сторонники этого подхода.

Узловая теоретико-методологическая проблема исследования феномена культурного регионализма – *онтологический статус культурных районов*. Их существование, как и любых иных районов, независимо от нашего сознания, как бы «от природы», легко оспорить. Но это и не чисто интеллектуальные конструкты, сформированные одним лишь мышлением (данная точка зрения довольно широко распространена в зарубежной культурной географии, особенно в англо-американской). В споре между сторонниками и противниками признания реальности культурных районов соискатель придерживается представления об их *реальности*. Но последняя, с позиций современного знания и методологии, не может трактоваться в редуccionистском смысле. Длительное время в отечественной науке и философии категория реальность (от латинского *res, realia* – дело, вещи) трак-

товалась как синоним окружающего материального мира, независимого от нашего сознания. Современная же философия исходит из представлений о *реальности как о сложной семиотической системе*, сформированной и природой, и людьми. Многие культурно-географические феномены, как известно, не являются материальными; их ключевые особенности и связи относятся именно к сфере сознания и проявляются, в решающей степени, в сходстве систем ценностей и ментальности людей. Культурные районы, таким образом, не будучи просто «вместилищем артефактов», есть, тем не менее, категория реальная.

В последние десятилетия понятие «район» («регион») в мировой культурной географии претерпело огромную эволюцию. Внимание культур-географов в большей степени стало фокусироваться на изучении проблем региональной идентичности, отношения территориальных сообществ к среде их обитания и жизнедеятельности, представлений об окружающем их географическом пространстве.

Переосмысление концепта района (региона) в разных национальных школах имело свои особенности. В *англосаксонской и особенно в американской географии* толчок этому процессу дало выдвижение на первый план проблематики т.н. «обыденных», или «вернакулярных» районов, устойчиво существующих в сознании их жителей. Основные работы в этой области были выполнены в 1970–1980-е гг. В конце XX в., «коллекторский» и исследовательский интерес к обыденным районам в западной географии снизился, в частности из-за того, что в условиях усилившегося междисциплинарного взаимодействия география оказалась не вполне конкурентоспособной по сравнению со смежными гуманитарными и социальными науками. Тем не менее, вектор, заданный работами по таким районам, сыграл важную роль в развитии и совершенствовании методологических подходов к исследованию региональной идентичности. Обыденные

районы – плоть от плоти массовой, народной культуры; они существуют в умах не исследователей, а самих жителей, причем воспринимаются и осознаются на уровне именно территориальной общности людей. Для культурной географии обращение к глубинным пластам народной культуры (и территориального самосознания) стало методологическим поворотом огромного значения.

Значительно изменились теоретические представления о культурных районах и в *Германии*. Хотя традиции культурного районирования, заложенные К. Риттером и методически обоснованные А. Геттнером, долго определяли развитие немецкой культурной географии, с конца 1970-х гг. она претерпевает трансформацию. Подобно американским географам, немецкие также стали фокусировать внимание на ментальности и местном самосознании: в 1980-е – 2000-е гг. Х.-Х. Блотефогель, Г. Хайнриц, Х. Попп, Б. Бутцин, Г. Хард, Й. Поль и др. ввели в научный обиход понятие «*регионы сознания*» («*Bewusstseinsräume*»). Многими чертами они напоминают вернакулярные районы американцев; и те, и другие суть *проявление низового регионализма*. Вместе с тем, между англосаксонскими вернакулярными районами и «регионами сознания» в трактовке немецких географов есть большие различия. Феномен регионального сознания не сводится к только к самоотождествлению жителей с определенной территорией и дихотомии «свой – чужой», но включает очень широкий набор ментальных характеристик, специфичных для данной территориальной общности и отличающих ее от других. На местное самосознание жителей и «силу» его проявления влияет совокупность экономических (в т.ч. хозяйственная конъюнктура, фаза экономического цикла), социокультурных, политических и других факторов, поэтому пространственные конфигурации «регионов сознания» часто меняются и менее устойчивы, чем исторически укорененные в народной культуре вернакулярные районы. Однако последние, выделяемые в

значительной мере на основе топонимических данных, могут иметь рудиментарно-фольклорный характер и рассматриваться скорее с этнографической, нежели с культурно-географической точки зрения. Объединение Германии дало мощный толчок исследованиям в области региональной идентичности, и с начала 1990-х гг. это научное направление стало главным полюсом роста «новой» немецкой культурной географии.

Из крупных национальных культурно-географических школ преемственность по отношению к «классическому» наследию в наибольшей мере сохранила *французская*, которую отличает особенно бережное отношение к традициям как «географии человека» П. Видаля де Ла Блаша – Ж. Брюна, так и смежной, исторической школы «Анналов» (М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа и др.), представители которых с разных сторон успешно продвигали теорию и научную практику геоисторического синтеза. Вместе с тем, теоретические воззрения французских культур-географов испытали мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причем в огромной степени – со стороны «своих», французских мыслителей. Так, большое влияние на французскую культурную географию оказали труды М. Фуко и постструктуралистов, в т.ч. Ж. Делёза и Ж. Деррида; постструктурализм задал идейные рамки трактовки района как «социального конструкта» (А. Лефевр), разделяемой многими современными французскими географами и регионалистами.

Перефокусировка акцента в географических исследованиях культуры на проблематику регионального самосознания – процесс закономерный, отражающий «логику» развития общества в целом: снижение степени *внешней детерминированности* социального развития (зависимости общества в целом – от «естественной» природы, а социума как такового – от технико-технологических и экономических факторов), нарастание степеней

его свободы. Культурные районы и объединяют, прежде всего, самих людей – носителей индивидуальной воли и представлений, но сплоченных какими-либо общими ценностями, интересами, иными паттернами единого самосознания. Последние и формируют ту *«вторую реальность»*, которая находится в фокусе внимания современных культур-географов. Вместе с тем, культурный район – это не только региональное самосознание его жителей; у него есть своя онтология, та *«первая» реальность*, те исторически сложившиеся культурные особенности региональной общности, percepцией которой и является реальность «вторая»; культурные особенности территории, как и все другие, могут быть в разной степени отрефлексированы сознанием.

Один из ключевых вопросов в изучении культурного регионализма, – *являются ли культурные районы естественно-историческими феноменами, или же это конструируемая реальность?* Большой частью их генезис органичен и объективен, носит спонтанный, естественный характер. Они, как правило, не создаются искусственно в силу тех или иных политических и др. решений, но формируются и развиваются по собственной, внутренней логике. Таковы, большей частью, культурные регионы Европы и многих ее стран (в т.ч. Германии). Но это не исключает принципиальной возможности искусственного «конструирования» региональных идентичностей и культурных комплексов. Оно может дать импульс формированию «новых», исторически не укорененных культурных районов (например, в контурах административно-территориальных единиц). Создание региональной мифологии – мощнейший ресурс, широко используемый в современном мире властями и интеллектуальными элитами для регионов «вращения» соответствующей идентичности.

Культурные районы, как и другие виды районов, в типологическом отношении могут быть *узловыми* (нодальными) и *однородными* (гомоген-

ными), либо совмещать их признаки в той или иной степени. Распространенное представление о культурных районах как преимущественно однородных связано с фокусировкой внимания на пространственной дифференциации традиционной культуры (особенно когда речь идет о «частных»), а не об интегральных культурных районах – в этнической, лингвистической географии, географии религий и т.д.). В то же время современные центры новационной, преимущественно городской культуры, по мере пространственной диффузии культурных инноваций, объективно и неизбежно порождают и воспроизводят узловые культурные районы. Грань между районами традиционной и новационной культуры, так же как между однородными и узловыми культурными районами, условна и, главное, исторически подвижна. Многие из сохранившихся в наши дни однородных районов традиционной культуры – уцелевшие «реликты» полноценных узловых культурных районов, существовавших в прошлые исторические эпохи.

Методологически серьезна проблема анклавов в культурном районировании. Инокультурные анклавы внутри культурного района (особенно если он однородный) – это часто очень значимые феномены, которые невозможно игнорировать при проведении культурного районирования. Примерами могут служить иноэтнические вкрапления внутри гомогенного по базовому признаку района или современные города внутри районов традиционной сельской культуры. При однородном культурном районировании анклавы во многих случаях могут быть «изъяты» из регионального контекста без особого ущерба для отображения того аспекта культуры, который районировается. Так при районировании традиционной сельской культуры можно игнорировать вкрапления крупных городов в ее пространство, ибо они по определению не являются центрами сельской культуры). Однако при интегральном узловом культурном районировании игнорировать проблему анклавов нельзя; выявление характера связи последних с други-

ми структурными звеньями узлового района становится важной частью процедуры районирования. Региональная самоидентификация населения и формирование региональных общностей людей предполагают максимальное «включение» всех групп населения в местное сообщество, в том числе и представителей инокультурных анклавов. Наличие анклавов внутри культурных районов не означает, в общем случае, неперемного размывания целостности последних и не исключает формирования, в той или иной степени, общих ценностей и единого регионального самосознания представителей разных культурных групп, проживающих в пределах таких районов.

Культурно-географический «профиль» германского и российского пространства (сравнение)

Сравнительный культурно-географический анализ западноевропейского пространства (главным образом на материале Германии) и российского пространства позволяет выявить как *общие черты*, так и *существенные различия* в процессах их *культурно-географической дифференциации*. Культурный регионализм – феномен, неотъемлемо присущий как германскому, так и российскому пространству, но он описывается *разной совокупностью* пространственно-временных характеристик.

В качестве важнейших факторов и условий генезиса и эволюции *культурного регионализма в Западной Европе* в диссертации выделены следующие.

1. Важным условием и «фоном» генезиса культурно-географических различий в пределах Западной Европы была *физико-географическая дифференциация пространства*. Степень природно-ландшафтной мозаичности, контрастности и вообще дифференцированности пространства в Западной Европе значительно выше, чем в России. В связи с этим во многих

случаях (разумеется, не всегда и не везде) генезис культурных районов в Западной Европе протекал в «естественных» контурах.

2. Культурный регионализм в Западной Европе есть, в значительной степени, *продукт ее исторической раздробленности*. Полицентризм, унаследованный частично еще со времен античности, а в средние века ставший ключевой особенностью структуры европейского пространства, имеет важнейшую культурно-географическую проекцию. Культурное разнообразие макрорегиона в своем генезисе было неразрывно связано и с его политико-географическим полицентризмом (в условиях, когда ни одна политическая сила *не была способна в Европе стать гегемоном*), и с его хозяйственным (экономико-географическим) плюрализмом.

3. Культурный регионализм Западной Европы есть следствие исторически укоренившейся в европейском социуме «*модели освоения географического пространства*, производной от установки сознания на его интенсивное преобразование (не только «освоение», но и «обустройство»). В этом смысле культурный регионализм Западной Европы – *плоть от плоти* ее цивилизационной специфики, ее социокультурного кода, конкретных компонентов, его слагающих. Важнейшими, по мнению соискателя, в ряду последних (на начало XXI века) можно считать:

- *рационализм* как доминирующую идею в общественном сознании;
- идею политической и экономической *свободы* как фундаментальную ценность;
- *инициативность* и *решительность* как архетипы сознания и поведения европейцев;
- идею *конкуренции* как принцип трудовой и бытовой этики;
- укорененность в массовом сознании представления о том, что путь к прогрессу лежит через *добросовестный труд*;
- тягу к *инновациям*.

Германское культурное пространство, с его внутренней гетерогенностью, разнообразием и мозаичностью, может рассматриваться как своего рода модель западноевропейского пространства в целом, но на «страновом» уровне. В его характерных особенностях воспроизведены, в большей или меньшей степени (в ряде случаев – в гипертрофированном варианте), все важнейшие черты западноевропейского культурного пространства. В их числе – полицентризм, дробность районов с мозаикой и зачастую чересполосицей культурных ландшафтов, высокая плотность населения и освоения территории, давно сложившийся каркас сети городов (большой частью сохранивших свое культурное региональное своеобразие), интенсивность культурных связей и коммуникаций при их пространственной неравномерности и подвижности (зонами сгущения таких связей, их «расползанием»). Одна из самых характерных особенностей Германии, выделяющих эту страну и на общеевропейском фоне, – давно укорененное и развитое региональное самосознание населения.

Культурный регионализм в России имеет, в значительной мере, иные истоки.

1. Он формировался в условиях более гомогенного, чем в Западной Европе, физико-географического пространства. Поэтому культурные районы в России обычно слабее привязаны к своей природной основе.

2. Роль культурных границ в российском пространстве менее значима, чем в германском пространстве. Культурные рубежи в России, в целом, более размыты и приобретают отчетливый характер, главным образом, в местах этнических разломов. Вместе с тем, для России, особенно для ее европейской части, очень большое значение имеют ядра типичности культурных районов. В этой связи культурные районы маркируются не столько четко выраженными границами, сколько переходными зонами, зачастую довольно обширными.

3. Исторически для России типична иная, чем в Западной Европе (в частности Германии), *«модель» освоения пространства*. Характерная особенность русского сознания – ориентация на экстенсивный способ освоения территории: чаще «вширь», чем «вглубь». В отличие от Германии, генезис культурных районов в России (особенно в пределах обширной полосы колонизации новых земель) происходил на сравнительно слабо, часто лишь фрагментарно освоенном и заселенном пространстве.

Влияние процесса колонизации новых земель на развитие культурного регионализма в России было двояким и крайне противоречивым. С одной стороны, недостаточная «укорененность» колонистов на новых землях, их высокая миграционная подвижность, незавершенность процесса «обустройства» переселенцами ареалов своего проживания выступали существенными факторами, в известном смысле *сдерживавшими, тормозившими, замедлявшими регионализацию культуры* в полосе нового освоения.

С другой стороны, освоение новых земель переселенцами из исторического ядра России расширяло среду и сам спектр этно- и социокультурных взаимодействий в полосе колонизации. Взаимодействие русских колонистов с местными (аборигенными, автохтонными) народами стало мощным фактором, *предопределившим глубокое культурное своеобразие новоосваиваемых земель*. Однако при этом разреженность социокультурных связей в районах «поздней» русской колонизации затрудняла взаимную аккультурацию отдельных этнических и региональных сообществ (как формальную, так и материальную), что отчасти благоприятствовало сохранению архаических укладов, но тормозило культурную модернизацию и инновации.

В России одним из ключевых факторов регионализации культурного пространства является этнический. В стране с несколько ослабленным (в сравнении с западноевропейскими обществами) чувством пространства

и, соответственно, региональным сознанием, культурные районы, выделяющиеся этнической спецификой, представляются самыми рельефными из числа «обыденных». Случаи ярко выраженного культурного регионализма в России имеют, в значительной степени, этническую «окраску».

Важнейшая геокультурная характеристика российского пространства – выдающаяся роль русского этнического мегаядра. Оно резко превосходит иноэтнические «анклавы» и «окраины» России по площади, демографическому и экономическому потенциалу. Но жесткой грани между русским этническим мегаядром и иноэтническими регионами в России нет – их разделяют не столько четкие этнокультурные барьеры, сколько переходные, контактные зоны. Контуры мегаядра в основном (но не полностью) соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев.

Однако административный статус субъектов РФ не может служить надежным критерием отнесения того или иного региона к мегаядру. Важнее удельный вес этнических русских в общей численности населения региона; оптимальный индикатор в данном случае – доля русских около 80% (близкий среднему показателю по всей стране). В большинстве областей и краев он значительно выше (рис. 1 и 2), а почти в трех десятках регионов страны «переваливает» за 90%. В Центре (Нечерноземном и Черноземном) и на Северо-западе Европейской России последнее отмечается повсеместно, за исключением традиционно полиэтничных и мультикультурных Москвы и Санкт-Петербурга. По мере удаления от исторического ядра Европейской России доля русского населения в областях и краях снижается (национальные республики, разумеется, представляют особый случай). На Северном Кавказе нет субъектов федерации, где бы она превышала 90%, на Урале имеется только один (Курганская область). Зато в Сибири и на Дальнем Востоке таких регионов немало: в Алтайском крае, Новосибирской, Том-

ской, Кемеровской, Амурской областях русские составляют свыше 90% всего населения; в большинстве же областей и краев Азиатской России этот показатель колеблется в интервале 80-90%. Таким образом, полоса, которая в терминологии соискателя обозначается как *этническое мегадро страны*, охватывает огромную часть Европейской и Азиатской России, простираясь от Балтики до Тихого океана.

Главные тенденции, характеризующие *сдвиги в этническом расселении внутри России* в конце XX – начале XXI вв.: 1) «коренизация» населения национальных республик России (ср. табл. 1 и 2); 2) рост концентрации «титульных» этносов в пределах своих национальных образований (табл. 3); 3) увеличение числа и площади этноконтактных зон; 4) гетерогенизация этнического состава населения крупных городов.

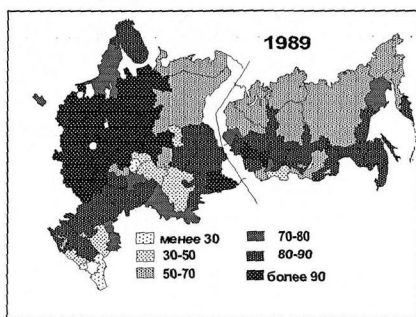

Рис. 1. Доля русских в общей численности населения по единицам АТД РСФСР, 1989

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. – М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. –747 с.

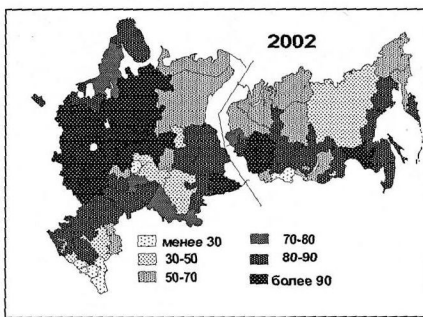

Рис. 2. Доля русских в общей численности населения по субъектам РФ, 2002

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. –2076 с.

Таблица 1.

Численность и удельные веса «титულных» этносов и русских в АССР и автономных областях РСФСР
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Республики	Все население, тыс. чел.	«Титульные» этносы, тыс. чел.	«Титульные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Карелия	790,2	78,9	10,0	581,6	73,6
Коми	1250,8	291,5	23,3	721,8	57,7
Адыгея	432,0	95,4	22,1	293,6	68,0
Карачаево-Черкесия	415,0	169,7*	40,9	175,9	42,4
Кабардино-Балкария	753,5	434,3**	57,6	240,7	32,0
Северная Осетия	632,4	334,9	52,9	189,2	29,9
Чечено-Ингушетия	1270,4	898,3***	70,7	293,8	23,1
Дагестан	1802,2	1444,8****	80,2	165,9	9,2
Калмыкия	322,6	146,3	45,4	121,5	37,7
Татарстан	3641,7	1765,4	48,5	1575,4	43,3
Мордовия	963,5	313,4	32,5	586,1	60,8
Чувашия	1338,0	906,9	67,8	357,1	26,7
Марийская АССР	749,3	324,3	43,3	356,0	47,5
Удмуртия	1605,7	496,5	30,9	945,2	58,9
Башкирия	3943,1	863,8	21,9	1548,3	39,3
Горно-Алтайская АО	190,8	59,1	31,0	115,2	60,4
Хакасия	566,9	62,9	11,1	450,4	79,5
Тува	308,6	198,4	64,3	98,8	32,0
Бурятия	1038,3	249,5	24,0	726,2	69,9
Якутия	1094,1	365,2	33,4	550,3	50,3
Еврейская АО	214,1	8,9	4,2	178,1	83,2

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** чеченцы и ингуши

**** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. – М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. – 747 с.

Таблица 2.

**Численность и удельные веса «титульных» этносов и русских в республиках Российской Федерации и Еврейской АО
(по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.)**

Республики	Все население, тыс. чел.	«Титульные» этносы, тыс. чел.	«Титульные» этносы, %	Русские, тыс. чел.	Русские, %
Карелия	711,2	65,6	9,2	548,9	77,2
Коми	1018,7	256,5	25,2	607,0	59,6
Адыгея	447,1	108,1	24,2	288,3	64,5
Карачаево-Черкесия	439,5	218,7*	48,8	147,9	33,7
Кабардино-Балкария	901,5	603,7**	67,0	226,6	25,1
Северная Осетия-Алания	710,3	445,3	62,7	164,7	23,2
Ингушетия	467,3	361,1	77,3	5,6	1,2
Чечня	1103,7	1031,6	93,5	40,6	3,7
Дагестан	2576,5	2230,3***	86,6	120,9	4,7
Калмыкия	292,4	155,9	53,3	98,1	33,6
Татарстан	3779,3	2000,1	52,9	1492,6	39,5
Мордовия	888,8	283,9	31,9	540,7	60,8
Чувашия	1313,8	889,3	67,7	348,5	26,5
Марий-Эл	728,0	312,2	42,9	345,5	47,5
Удмуртия	1570,3	460,6	29,3	944,1	60,1
Башкирия	4104,3	1221,3	29,7	1490,7	36,3
Алтай	202,9	62,2	30,6	116,5	57,4
Хакасия	546,1	65,4	12,0	438,4	80,3
Тува (Тыва)	305,5	235,3	77,0	61,4	20,1
Бурятия	981,2	272,9	27,8	665,5	67,8
Саха (Якутия)	949,3	432,3	45,5	390,7	41,1
Еврейская АО	190,9	2,3	1,2	171,7	89,9

* карачаевцы и черкесы

** кабардинцы и балкарцы

*** аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы и цахуры. Эти 10 этносов в сводной статистике иногда объединяются под общим названием «дагестанские народы». Таким образом, в суммарном показателе в данном случае не учтены многие коренные народы Дагестана, уступающие по численности этим десяти.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. –2076 с.

Таблица 3.

Концентрация «титульных» народов национальных республик России в пределах «своих» национально-государственных образований (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г.)

Титульные этносы национальных республик России	Численность в «своих» единицах АДД, 1989, тыс. чел.	Численность в РСФСР, 1989, тыс. чел.	Концентрация в пределах «своих» единиц АДД, 1989, %	Численность в «своих» единицах АДД, 2002, тыс. чел.	Численность в РФ, 2002, тыс. чел.	Концентрация в пределах «своих» единиц АДД, 2002, %
Карелы	79	125	63,2	66	93	70,4
Коми	292	336	86,9	256	293	87,4
Адыгейцы	95	123	77,2	108	129	83,8
Карачасвцы	129	150	86,0	169	192	88,0
Черкесы	40	51	78,8	50	61	82,0
Кабардинцы	363	386	94,0	499	520	96,0
Балкарцы	71	78	91,0	105	108	96,9
Осетины	335	402	83,3	445	515	86,5
Ингуши	164*	215	76,2	361**	413	87,4
Чеченцы	735*	899	81,8	1032***	1360	75,8
Калмыки	146	166	88,0	156	174	89,6
Татары	1765	5522	32,0	2000	5555	36,0
Мордва	313	1073	29,2	284	843	33,7
Чуваши	907	1774	51,1	889	1637	54,3
Марийцы	324	644	50,3	312	604	51,7
Удмурты	497	715	69,5	461	637	72,3
Башкиры	864	1345	64,2	1221	1673	73,0
Алтайцы	59	69	85,5	62	67	92,6
Хакасы	63	79	79,7	65	77	85,4
Тувинцы	198	206	96,1	236	243	96,7
Буряты	250****	417	60,0	273*****	445	61,3
Якуты	365	380	96,1	432	443	97,4

* в Чечено-Ингушской АССР

** в Республике Ингушетия

*** в Чеченской Республике

**** в Бурятской АССР

***** в Республике Бурятия; с учетом же Агинского Бурятского и Усть-Ордынского Бурятского АО показатель концентрации бурятского населения в пределах «своих» национально-государственных образований составил в 2002 г. 83,5%

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. – М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. – 747 с.; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. – 2076 с.

В Германии, ввиду сравнительно невысокого удельного веса коренных этнических меньшинств, *роль этничности как фактора регионализации культурного пространства существенно ниже*. Зато дифференциация субэтнических групп немецкого населения выражена там значительно сильнее и территориально более дробно, чем дифференциация субэтнических групп русского населения в России. Субэтнические различия в Германии выполняют роль весомого фактора регионализации культурного пространства этой страны; зачастую именно ими удобно маркировать культурные районы.

Вместе с тем, высокая концентрация иностранцев (иммигрантов и их потомков в первых поколениях) в городах Германии создает эффект *этнической мультикультуризации урбанистического ландшафта страны*. Выразительными примерами данного процесса служат несколько крупнейших городов – в первую очередь, Мюнхен, Штутгарт, Франкфурт-на-Майне, Кёльн, Берлин, Гамбург и Дюссельдорф.

Геокультурные пространственные градиенты в Германии и России

В сложившихся в Германии и России геокультурных пространственных макроградиентах прослеживается известный параллелизм. Он особенно заметен по оси культурно-географических различий «*запад – восток*», причем в обеих странах культурно-географическое своеобразие восточных районов связано, в огромной степени, с колониационным характером их освоения. Заальбские земли в Германии и относящиеся к этническому мегаядру России районы Сибири – в обоих случаях это регионы более позднего освоения. По сравнению с западными районами своих стран, их культурное пространство «разрежено», менее плотно освоено. Вместе с тем, и те, и другие органично и теснейшим образом интегрированы в германское и в российское культурное пространство. Районы восточной коло-

низации в обеих странах – это те территории, где естественным путем продолжался процесс немецкого и русского этногенеза, формирования немецкой и русской культуры.

Однако *культурно-географические последствия немецкой и русской колонизации для автохтонных этносов восточных районов Германии и России оказались совершенно разными*. Балтское и славянское население заэльбских земель Германии подверглось этноциду и ассимиляции; к концу второго тысячелетия н.э. оно практически полностью было онемечено. Единственным значительным районом концентрации славянского этнического меньшинства в ФРГ (при этом практически поголовно свободно владеющего немецким языком) остался ареал компактного расселения лужицких сербов (иначе – лужичан, сорбов, вендов) в пределах Лаузица (славянское название – Лужица; на стыке федеральных земель Бранденбург и Саксония).

Хотя аборигенные этносы Сибири и Дальнего Востока России также подверглись русификации, они в значительной мере сохранили свою этническую идентичность, культурную самобытность, во многих случаях – родные языки и компактные части исторических ареалов расселения, частично – традиционные способы природопользования и ведения хозяйства. Культурно-географический профиль Азиатской части России, в отличие от Востока Германии, являет собой мозаику контрастных этнокультурных районов, примыкающих к русскому мегаядру либо интегрированных в него и сильно различающихся по степени выраженности и сохранности.

Параллелизм по оси культурно-географических различий «юг – север» менее выразителен, но в геоисторическом смысле имеет также первостепенное значение.

И в Германии, и в Европейской России *южные регионы* были не только важнейшими историческими ядрами генезиса немецкой и русской госу-

дарственности, но и на протяжении многих столетий *главными очагами немецкой и русской культуры, пространственными «фокусами» культурных инноваций, исходными территориями, откуда шел процесс социокультурного освоения сопредельных, более северных земель.* Юг Германии, испытавший культурное и цивилизационное «облучение» еще со стороны Античного мира, имеет значительно больший исторический «стаж» интенсивного социокультурного освоения пространства, чем Север этой страны. На Восточноевропейской равнине главный вектор продвижения высокой культуры, заселения и освоения территории также шел длительное время (в период Раннего, а отчасти и Высокого средневековья) из южных лесостепных районов на север, в зону смешанных и хвойных лесов. Однако позднее, по ходу процессов внутренней колонизации градиент в социокультурной освоенности территории между югом и севером сглаживается в обеих странах. *И в германском, и в российском пространствах к северу смещаются важнейшие центры инновационной активности, в южных районах – сильнее традиционализм и консерватизм.* Политико-географическим выражением этих сдвигов стало асинхронное формирование именно в более северных районах ядер государственной интеграции великорусских (Московское княжество) и немецких (Бранденбург – Пруссия) земель.

Значительная часть исторического ядра культурного пространства восточнославянской Европы расположена в настоящее время за пределами России, на землях современной Украины и Белоруссии. Геоисторический разлом некогда единой (хотя и слабо интегрированной в этническом отношении) восточнославянской общности (обозначившийся еще в XIV-XV вв., когда практически синхронно протекало «собрание» земель Литовской и Московской Руси) имел одним из своих следствий то, что градиент «юг – север» на Восточноевропейской равнине приобрел весомое *этнокультурное измерение.* Земли южных немецкоязычных стран (немецкоязычные

кантоны Швейцарии, Австрия) также примыкают к Германии с юга, как Украина – к России, но здесь параллелизм и сходство уже не столь очевидны. Ни горно-альпийские регионы, ни дунайские земли Верхней и Нижней Австрии не относились к историческому ядру германского культурного пространства; зато в течение столетий в их пределах происходило интенсивное культурное взаимодействие германцев с кельтами, ретами, мадьярами, славянами и другими народами Европы.

Для *Германии* с XVI в. и до настоящего времени одно из важнейших, ключевых измерений культурно-географических различий по оси «юг – север» – *оппозиция католических* (преимущественно южных) *и протестантских*, большей частью лютеранских (преимущественно северных) *земель. В России нет прямого аналога такой дихотомии.*

Другое измерение культурно-географических различий по оси «юг – север» – *субэтно-лингвистическая дифференциация* – *прослеживается в целом как в Германии, так и в Европейской части России* (нижне- и верхненемецкие группы диалектов в Германии, южно- и северорусские в Европейской России). Субэтно-лингвистическая дифференциация юг-север частично дополняется, особенно в Германии, *близкой к ней дифференциацией комплексов объективированной традиционной сельской культуры* (и материальной, и духовной, при всей условности их противопоставления). Пространственная дифференциация этих культурных комплексов как субэтнических феноменов может быть интерпретирована с позиций традиционного этнолого-этнографического подхода. Однако его эффективность в современном сравнительном культурно-географическом исследовании германского и российского пространств ограничена, поскольку в настоящее время и Россия, и тем более Германия – сильно урбанизированные страны.

При этом культурно-географическая дифференциация юг – север ни в Германии, ни в России (в т.ч. в ее европейской части) не может быть адек-

ватно описана в терминах и понятиях *единой территориальной идентичности для макрорегионов Юга и Севера*. Даже в Германии – стране поздней централизации с исторически укорененным и обостренным региональным самосознанием населения – соответствующая идентичность проявляется скорее на микро- и мезоуровне, нежели на уровне макрорегионов Севера и Юга в целом. Своеобразие того и другого обусловлено глубинными историко-культурными чертами, однако в начале XXI века сравнительно мало «скрепляется» единой макрорегиональной идентичностью.

В России также нет ярко выраженной «оппозиции» территориальной идентичности культурных макрорегионов Юга и Севера. В частности, глубокое культурное своеобразие Юга Европейской России «не подкрепляется» единым региональным самосознанием «южан». Более того, ключевая культурно-географическая особенность Юга Европейской России – значительно меньшая интегрированность нерусских этнических групп в региональный социум, по сравнению с Севером. Как следствие, этот макрорегион выступает, среди прочего, в роли своеобразного очага внешних мультикультурных влияний в российском пространстве, в т.ч. исходящих из центров иного цивилизационно-культурного круга, чем российский. *Культурный вектор «Север – Юг» в российском пространстве проявляется, как это ни парадоксально, и в качестве одной из ипостасей (измерений) тех же культурно-географических и историко-цивилизационных различий «Запад – Восток».*

Главные выводы (основные тезисы защиты)

1. *Культурный регионализм представляет собой двуединый феномен*: с одной стороны, это понятие описывает «онтологию» культурных различий между регионами (комбинации культурных характеристик, выражающих собой специфику, своеобразие разных территорий), с другой

стороны – их восприятие (перцепцию) местными (территориальными) сообществами. Таким образом, у феномена культурного регионализма есть две важнейшие составляющие – во-первых, его объективная основа и, во-вторых, субъективный, перцепционный пласт. Эти грани культурного регионализма тесно переплетены, но не идентичны.

2. Феномен культурного регионализма может быть описан большой совокупностью индикаторов. Важнейшие из них:

- региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией;
- этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность / гетерогенность регионального (местного) сообщества;
- характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура;
- присущие ему особенности хозяйства и природопользования;
- языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы);
- конфессиональная структура;
- специфика духовной культуры;
- специфика материальной культуры;
- особенности социальной среды и поведения людей.

3. Культурная регионалистика – «ветвь» культурной географии, занимающаяся комплексным исследованием культурных регионов и феномена культурного регионализма. Наряду с научными направлениями, изучающими процессы пространственной дифференциации культуры на глобальном, планетарном уровне (культурной географией мира) и на уровне отдельных стран (культур-страноведением), она выступает одной из трех важнейших «синтетических» (интегральных) субдисциплин культурной географии.

4. *Германское культурное пространство*, с его внутренней гетерогенностью, разнообразием и мозаичностью, может рассматриваться как своего рода *модель западноевропейского пространства на «страновом» уровне*. В его характерных особенностях воспроизведены важнейшие черты западноевропейского культурного пространства. В частности, полицентризм, дробность районов с мозаикой и чересполосицей культурных ландшафтов, высокая плотность населения и освоения территории, давно сложившийся каркас сети городов, интенсивность культурных связей и коммуникаций при их пространственной неравномерности и подвижности, давно укорененное и развитое региональное самосознание населения.

5. *Культурный регионализм в России* описывается иной совокупностью пространственно-временных параметров. Он формировался в условиях более гомогенного, чем в Западной Европе, физико-географического пространства. В связи с этим *культурные районы* в России, в целом, *слабее привязаны к своей природной основе*. Роль *культурных границ* в российском пространстве менее значима, чем в германском. Культурные рубежи часто размыты и приобретают отчетливый характер, главным образом, в местах этнических разломов. Вместе с тем, в России, особенно европейской, очень важны *ядра культурных районов*. В культурно-историческом контексте, для России типична иная, чем в Западной Европе (и Германии в частности), *«модель» освоения пространства*. Особенность русского сознания – ориентация на экстенсивный способ освоения территории: скорее «вширь», чем «вглубь». В отличие от Германии, генезис культурных районов в России, особенно в обширной полосе колонизации новых земель, происходил на сравнительно слабо, часто фрагментарно освоенном и заселенном пространстве.

6. Прослеживается известный *параллелизм в сложившихся в Германии и России геокультурных пространственных макроградиентах*. Он особен-

но заметен по оси культурно-географических различий «запад – восток», причем в обеих странах культурно-географическое своеобразие восточных районов связано, в огромной степени, с их колонизацией. Менее очевидно сходство по «оси» культурно-географических различий «север – юг».

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях

Публикации в изданиях из перечня ВАК РФ:

1. *Стрелецкий В.Н.* Технологический прогресс и территориальная структура хозяйства: историческая траектория взаимодействия (на примере Германии) // Известия РАН. Сер. геогр. 1995. № 1. С. 74–88.
2. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии: опыт историко-географического анализа // Известия РАН. Сер. геогр. 2000. №6. С. 37–47.
3. *Стрелецкий В.Н.* «Образы пространства» и пространство гуманитарной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 2. С. 124–126.
4. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
5. *Стрелецкий В.Н.* Культурный ландшафт современной России // Известия РАН. Сер. геогр. 2003. №2. С. 126–127.
6. *Стрелецкий В.Н.* Историческая динамика России за триста лет: социосинергетический подход // Известия РАН. Сер. геогр. 2005. №4. С. 123–125.
7. *Дроздов А.В., Стрелецкий В.Н.* Ландшафтный синтез // Известия РАН. Сер. геогр. 2006. №6. С. 117–121.
8. *Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №5. С. 21–33.
9. *Стрелецкий В.Н.* Ландшафт сквозь «призму» культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2011. №2. С. 133–135.
10. *Стрелецкий В.Н.* Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. №3. С. 45–50.

Главы в коллективных монографиях и монографии в соавторстве:

11. *Стрелецкий В.Н.* Небольшие экономически высокоразвитые страны Западной Европы // Капиталистические и развивающиеся страны на пороге 90-х гг. / Под ред. В.В. Вольского, Л.И. Бонифатьевой, Л.В. Смирнягина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 146–157.
12. *Shestakov A., Streletsky V.* Mapping of Risk Areas of Environmentally-Induced Migration in the Commonwealth of Independent States (CIS) – Geneva: International Organization for Migration (IOM) – United Nations High Commissioner for Refugees – Center for Policy Analysis and Research on Refugee Issues, 1998. –97 p.

13. *Стрелецкий В.Н.* Кондратьевские циклы в экономике // Анатомия кризисов / Арманд А.Д., Люри Д.И., Жерихин В.В., Раутиан А.С., Кайданова О.В., Козлова Е.В., Стрелецкий В.Н., Буданов В.Г. / Отв. ред. академик В.М. Котляков. – М.: Наука, 1999. С. 107–115.

14. *Глазовский Н.Ф., Кудинова Н.В., Одинокова Л.Ю., Стрелецкий В.Н., Шестаков А.С.* Миграции населения в странах СНГ, связанные с опустыниванием и засухой. – М.: ЮНЕП – ИГРАН, 2000. –110 с. (то же на англ. языке, 2000, –100 р.).

15. *Стрелецкий В.Н.* Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Отв. ред. С.С. Артоболевский, А.И. Трейвиш. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 10–38.

16. *Стрелецкий В.Н.* Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. – М.: Изд-во МГТУ, 2011. Глава 2.6. С. 146–176.

Публикации на иностранных языках:

17. *Glezer O.B., Streletskiy V.N.* Reclamaciones territoriales y conflictos étnicos en el proceso de desintegración de la Unión Soviética // Estudios geográficos. №204. Julio-septiembre 1991. P. 421–438.

18. *Streletskiy V.N.* Los problemas socioculturales y geográficos, los obstáculos y las posibilidades de modernización de la sociedad tradicional: el ejemplo del Asia Central y el Cáucaso // Estudios geográficos. №204. Julio-septiembre 1991. P. 497–510.

19. *Nefedova T., Streletsky V., Treivich A.* La Ruhr, la Haute Silésie et le Donbass dans la trajectoire historique des vieilles régions industrielles européennes du charbon et de l'acier // Revue belge de géographie. Vol. 116. 1992. Fascicules 1 – 4. P. 41–48.

20. *Strelezki W.* Ethno-territoriale Konflikte auf dem Gebiet der früheren Sowjetunion. Köln: BIOS, 1995. –30 s. (Schriftenreihe «Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien», 1995. № 37).

21. *Glezer O., Kolossov V., Petrov N., Streletsky V.* Les conflits ethniques // Atlas de la Russie et des pays proches / Ed.: R. Brunet, D. Eckert, V. Kolossov. Montpellier – Paris: RECLUS – La Documentation Française, 1995. P. 190–195.

22. *Boege E., Streletsky V.* Sustainable Development, Science and Traditional Knowledge. How should the sustainable development face the science and the traditional knowledge? // World Conference on Science. Budapest, June 26 - July 1, 1999. Papers Submitted by Discussion Groups. NY – Budapest: LEAD International – WCS, 1999. P. 49–56.

23. *Strelezki W.* Desintegrationsrisiken und «neue Regionalstrategie» in Russland. Köln: BIOS, 2000. 30 S. (Schriftenreihe «Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien». 2000. №9).

24. *Streletskiy V.* Ethnic and cultural factors of regional development in Russia // Natural Resource Development, Population and Environment in Russia: Their present and Future in Relation to Japan. – М.: N-Mega, 2010. P. 78–90.

Прочие публикации:

25. *Стрелецкий В.Н.* Сдвиги в территориальной структуре промышленности ФРГ в 70–80-е гг. и их некоторые социально-географические аспекты // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – М.: МГУ–ИЛА АН СССР, 1986. Вып. 7. С. 88–103.

26. *Стрелецкий В.Н.* Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкотт, В. Тишкова и А. Малащенко. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. С. 225–249.

27. *Стрелецкий В.Н.* Этнические общности в геокультурном пространстве России (историческая динамика и региональная структура) // Вестник исторической географии. Вып. 1. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. С. 31–53.

28. *Стрелецкий В.Н.* Геопространство и культура: К вопросу о некоторых теоретико-методологических основаниях культурно-географической аналитики // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира / Под ред. И.Т. Касавина. – М.: Издательский дом «РТ Пресс», 2001. С. 209–228.

29. *Стрелецкий В.Н.* Этническое расселение и география культуры // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор / Отв. ред. П.М. Полян. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 396–466.

30. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии и России // Регионы и регионализм в странах Запада и России / Отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 26–39.

31. *Стрелецкий В.Н.* Цикличность в эволюции социально-географического пространства // Вторые Сократические чтения по географии. Сборник статей / Отв. ред. В.А. Шупер. – М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 59–72.

32. *Стрелецкий В.Н.* Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования / Отв. ред. В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 42–54.

33. *Стрелецкий В.Н.* Историко-географические аспекты изучения динамики этнического состава населения Подмосковья // Проблемы этнической географии и культурного районирования. Сб. научных статей / Под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Изд-во АНО – Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. С. 15–26.

34. *Стрелецкий В.Н.* Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. С. 95–119.

35. *Стрелецкий В.Н.* Культура как географическая реальность и научные традиции в культурной географии // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов / Под ред. В.А. Шупера. – М.: Эслан, 2004. С. 127–141.

36. *Гуля А.Н., Кантелхардт Й., Стрелецкий В.Н.* Аграрное природопользование в Германии: постиндустриальные тренды развития сельской местности и аграрная политика // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Ф. Глазов-

ский, А.В. Гордеев, Г.В. Сдасюк. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 164–178.

37. Бубнова А.Р., Стрелецкий В.Н. Этноконтактные зоны Нижегородской области // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГРАН – Международная Академия регионального развития и сотрудничества, 2005. С. 205–215.

38. Стрелецкий В.Н. Германия (разделы «Общие сведения», «Население», «Хозяйство») // Большая Российская Энциклопедия / Председатель Науч.-ред. совета академик Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 6. – М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2006. С. 686, 690–692, 715–727.

39. Стрелецкий В.Н. Регионализм как историко-культурный феномен (на примере Германии) // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации. Сб. науч. трудов к 80-летию проф. А.А. Засухина. – М.: Экон-Информ, 2007. С. 103–112.

40. Стрелецкий В.Н. Теория экономического ландшафта А. Лёша и современная наука // Август Лёш как философ экономического пространства (к столетию со дня рождения) / Под ред. В.А. Шупера / Российская Академия Наук. Институт географии. – М.: Изд-во «Эслан», 2007. С. 41–62.

41. Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. №5. 2007. С. 3–13.

42. Стрелецкий В.Н. От антропогеографии к культурной географии: преемственность в развитии и новые исследовательские направления // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие / Отв. ред. Т.М. Красовская. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 2009. С. 23–29.

43. Стрелецкий В.Н. Культурно-географические факторы регионализации российского пространства // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия) / Отв. ред. С.С. Артоболевский. – М.: Изд-во «Эслан», 2009. С. 28–52.

44. Стрелецкий В.Н. Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 2. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Л.М. Синцеров. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 442–459.

45. Стрелецкий В.Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI вв. и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. №1. С. 51–72.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Глава 1. Культурная география в системе наук, изучающих регионализм

- 1.1. Предмет изучения культурной географии и ее место в системе наук. Культура как географическая реальность
- 1.2. Особенности формирования и исторические тенденции развития мировой культурной географии

- 1.3. Становление культурной географии в России и ее современная структура
- 1.4. Мировоззренческие установки, научные традиции и исследовательские парадигмы в культурной географии
- 1.5. Культурная география в ряду наук, изучающих регионализм

Глава 2. Регионализм как культурно-географический феномен

- 2.1. Регионы, регионализм и регионализация: исследовательские подходы и основные концепты
- 2.2. Культурный регионализм: понятие – термин – смысл
- 2.3. «Культурный район» и «культурный ландшафт» в ряду базовых понятий культурно-географической регионалистики
- 2.4. Система индикаторов, описывающих феномен культурного регионализма
- 2.5. Пространственная таксономия регионально-культурных комплексов

Глава 3. Культурный регионализм в Германии: исторические корни и факторы эволюции

- 3.1. Регионализм Европейского культурного пространства
- 3.2. Исторические корни немецкого регионализма
- 3.3. Культурный регионализм германского пространства в условиях раскола страны (конец 1940-х гг. – 1990 г.) и ее реинтеграции (1990-е – 2000-е годы)

Глава 4. Структура германского культурного пространства

- 4.1. Геокультурные градиенты и региональные различия в германском пространстве. Закономерности его геокультурной дифференциации
- 4.2. Геокультурная дифференциация Север – Юг
- 4.3. Геокультурная дифференциация Запад – Восток
- 4.4. Социокультурная поляризация пространства Германии

Глава 5. Регионализация российского культурного пространства: исторические корни и современные особенности

- 5.1. Историко-географические особенности и этапы формирования и эволюции российского культурного пространства
- 5.2. Региональные факторы современной трансформации российского культурного пространства

Глава 6. Структура российского культурного пространства

- 6.1. Этнокультурная дифференциация российского пространства
- 6.2. Конфессиональное пространство России
- 6.3. Регионально-культурные различия в этническом мегаядре России
- 6.4. Социокультурная поляризация пространства России

Заключение

Список литературы

Список рисунков

Список таблиц

Заказ № 88-А/12/2011 Подписано в печать 28.12.2011 Тираж 200 экз. Усл. п.л. 1,5

ООО "Цифровичок", тел. (495) 649-83-30
www.cfr.ru ; e-mail: zak@cfr.ru